
**НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ**

**ЭВОЛЮЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

© 2004 г. К. Х. Зоидов

(Таджикистан)

Рассматриваются проблемы применения эволюционного подхода к анализу трансформационного кризиса экономики России и его преодолению на основе бизнес-ориентированной стратегии государственного регулирования. Эволюционный путь выхода российской экономики из нынешнего кризиса переходного периода видится в связи с экономической политикой, сочетающей направленную эволюцию уже существующих экономических систем с созданием условий для их самостоятельной эволюции.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современной экономической науки ставит новые вопросы о характере, формах и перспективах эволюции изучаемых ею экономических систем. И это не случайно. Во-первых, совершенство методологического аппарата, объяснительная и предсказательная сила любой науки определяются тем, насколько полно она охватывает эволюционный процесс, а не только непосредственные реакции и взаимодействия исследуемых объектов.

Во-вторых, вся система наук о природе, обществе и человеке в современную эпоху все полнее насыщается эволюционным содержанием, выступающим в качестве мировоззренческой основы интеграции знания и взаимовлияния кажущихся весьма далекими друг от друга научных дисциплин.

В-третьих, современная экономика представляет собой бурно эволюционирующую систему, от которой зависят благосостояние, качество жизни и возможности самореализации каждого человека. Поэтому изучение эволюции экономических систем имеет колоссальное практическое значение.

Наконец, в-четвертых, отставание общественных, и в частности экономических, наук от естественных, в частности биологических, в области объяснения эволюционных процессов сделалось одним из наиболее труднопреодолимых препятствий, тормозящих познание. Следует напомнить, что отставание экономической теории от естественных наук, особенно от биологии и космологии, в сфере проникновения в суть эволюционных механизмов, наметилось лишь в XX в.

Как известно, создание дарвинизма как наиболее продвинутой в изучении эволюционных механизмов биологической теории проходило в конце XIX в. под влиянием ряда экономических концепций. Выдвигая и обосновывая краеугольные камни своей биологической теории эволюции, Чарльз Дарвин, по существу, сформулировал ключевые понятия этой теории путем переосмысления и трансформации ряда положений, содержащихся в трудах классиков экономической теории. В частности, категории естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных Дарвин предложил, а затем и углубил в ходе размышлений над работами Т. Мальтуса и А. Смита, которые послужили ему исходной концептуальной матрицей для теоретического упорядочения множества собранных им фактов о взаимодействии и происхождении биологических видов.

Идеи Т. Мальтуса о конкуренции людей за ограниченные ресурсы и А. Смита о “невидимой руке” рынка, направляющей экономических субъектов в процессе конкуренции к последовательному повышению общественного благосостояния, послужили Ч. Дарвину интеллектуальной опорой не только для опровержения эволюционной концепции Жана-Батиста Ламарка, основанной на представлении о наследственной передаче благоприобретенных признаков, но и для создания основ теории эволюции, имеющей огромное общенаучное значение. Стало ясно, что в живой природе движущей силой и катализатором эволюции выступает межвидовая и внутривидовая конкуренция, которая и побуждает живые системы постоянно самосовершенствоваться с целью выживания. В дальнейшем эта идея Ч. Дарвина, подхваченная и примененная к анализу социальной эволюции английским философом Г. Спенсером, послужила основой для последую-

щего развития представлений об эволюции экономических систем. Но непонимание своеобразия общественных систем, редукция экономической эволюции к биологическим механизмам эволюции не позволяли сполна осмыслить экономические аспекты эволюции.

Дальнейшим колоссальным шагом в изучении эволюции экономических систем явилась теория общественно-экономических формаций К. Маркса, связанная с открытием экономического базиса всей социальной структуры человеческих сообществ. Теория последовательной и закономерной смены формаций, обусловленной развитием производительных сил общества и их противоречивым единством с производственными отношениями, внесла решающий вклад в понимание истории как эволюции, предложила простую и содержательную модель для истолкования фактов экономической и социальной эволюции, постижения источников социального и экономического прогресса. Вместе с тем ультрареволюционная ориентация марксизма как наднаучной идеологии, изображение классово-борьбы как движущей силы исторического прогресса обусловила антиэволюционистский характер марксистского учения о развитии, привела к абсолютизации роли насилия и военного противостояния в смене социально-экономических систем, к представлению о возможности диктаторского управления экономической и социальной эволюцией. В конечном счете эти тоталитарные предпосылки марксистского учения нашли реализацию и воплощение в системе планово-распределительной экономики и командно организованного общества советского типа. Деграция и крах этой системы, ее неконкурентоспособность по сравнению с эволюционно развивающейся регулируемой рыночной экономикой со всей очевидностью доказали непродуктивность насильственного подстегивания эволюционного процесса.

Дальнейшее развитие взглядов на эволюционные процессы и механизмы в экономике происходило в западной науке главным образом в связи с развитием эволюционно-институционального подхода. В настоящее время этот подход является наиболее актуальным и представляется весьма перспективным для исследования эволюционной составляющей рыночных преобразований в России и других странах с переходной экономикой. Анализ явлений переходной экономики и сопутствующего ей трансформационного кризиса позволяет не только углубить понимание переходных процессов на основе эволюционного подхода, сделать ход реформ менее болезненным и более эффективным, но и углубить наши знания об экономической эволюции, усовершенствовать сам эволюционный подход и тем самым обогатить методологический инструментарий экономической науки.

Переход к более прогрессивным рыночным отношениям с неизмеримо большей свободой экономических субъектов привел не к быстрому подъему экономики, как ожидалось в начале реформ, а к ее крупномасштабному спаду и кризису (см. (Бессонов, 2000; Овсиенко, 2000)). Анализ эволюционных первопричин трансформационного кризиса представляется весьма перспективным как для более глубокого постижения механизмов экономической эволюции вообще, так и для поиска методологических предпосылок преодоления этого кризиса в практике реформ. Поэтому эволюционно-институциональный подход, по нашему убеждению, является одним из наиболее действенных способов научного исследования как для объяснения явлений трансформационного кризиса, так и для поиска путей его преодоления и формирования эффективной рыночной экономики.

Все это обусловило высокую актуальность нашего исследования и предопределило его цель, которая заключается в выявлении возможностей эволюционного подхода к теоретическому осмыслению трансформационного кризиса экономики России и поиска практических путей его преодоления.

1. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В ЗАПАДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Как отмечает А. Нестеренко, институционально-эволюционная теория возникла еще на рубеже XX в. как реакция на внеисторическую, механическую и узкоэкономическую трактовку детерминации экономических процессов в рамках ортодоксальной (классической) доктрины (Нестеренко, 1997, с. 10). Институциональный эволюционизм выступал как оппозиция общепринятым в экономической науке взглядам на развитие экономики, как ревизия подходов, не принимающих во внимание эволюции сложившихся в данном обществе институциональных особенностей и связанных с ними структур и организаций.

В рамках институционализма – одного из трех ведущих направлений современной экономико-теоретической мысли – было развито немало плодотворных идей, применение которых в переходной экономике может привести к преодолению трансформационного кризиса. Главная идея

институционализма состоит в ориентации на рассмотрение детерминации экономических явлений, их объяснение не только непосредственными причинами, лежащими в одной только хозяйственной деятельности, но и более опосредствованными, глубокими, отдаленными от прямого наблюдения – системой сложившихся в обществе разнообразных институтов. Господствующие в обществе институты и объекты экономической деятельности соотносятся между собой как сущность и явление. Такая исходная для институционализма постановка вопроса предполагает постоянное обращение к проблемам эволюции, поскольку институты, составляющие сущность экономической деятельности, не являются чем-то раз навсегда данным и застывшим, но постоянно эволюционируют. Предшественниками современного институционализма были представители исторической школы экономической теории.

В самом понятии теории институционализма – понятии института (от лат. “институтум” – установление, устройство, учреждение) – содержится историко-эволюционный аспект, поскольку все человеческие институты представляют собой эволюционирующую составляющую всякого общественного устройства.

В этой составляющей институционалисты выделяют два основных аспекта – институции и собственно институты. Институции включают обычаи, традиции, нормы поведения, т.е. идеальные институциональные формы, принятые в данном обществе и закрепленные в менталитете. Институты охватывают организации, учреждения, законодательные установления, они придают институциям официальный, публично признанный характер, побуждают к их исполнению и защищают от игнорирования силой институциональных организаций, к которым относится и государство со специальным аппаратом принуждения и властного побуждения к определенной деятельности.

Важной и плодотворной идеей раннего институционализма, развитой в работах его основоположника Торстейна Веблена (1856–1929) и вполне применимой к нуждам реформирования переходной экономики, является тезис о необходимости эволюционного поворота всей экономической деятельности от хаотической и расточительной растраты ресурсов к удовлетворению конкретных нужд потребителей.

Джон Коммонс (1862–1945) исследовал роль правовых институтов и социальных конфликтов в экономической эволюции. Первенство права над экономикой, господство закона над экономическими отношениями позволяет эффективно улаживать социальные конфликты, обеспечивая эффективное эволюционирование экономической системы.

Уэсли Митчелл (1874–1948) объяснял экономические циклы эволюцией деловой активности и разработал методы стимулирования этой активности.

Вальтер Ойкен (1891–1950) выдвинул концепцию ордолиберализма, т.е. соединения максимальной экономической свободы с жестким организационным порядком (орднунгом). В. Ойкен (наряду с канцлером ФРГ Л. Эрхардом) внес значительный вклад в преодоление посттоталитарного экономического кризиса в ФРГ, он считается одним из виднейших творцов послевоенного немецкого “экономического чуда”.

Гуннар Мюрдаль (1898–1987) занимался проблемами преодоления кризисов в слаборазвитых странах, разрабатывал рекомендации по трансформации институциональных структур их экономик. Изучал также проблемы достижения денежного равновесия в развитых странах.

Получивший распространение в последнее время неинституционализм порвал с технократическими тенденциями раннего институционализма и поставил в центр внимания экономического исследования человека, его благосостояние и самоопределение в социальной среде (Эггертссон, Траунин, 2001). Так, концепции прав собственности Рональда Коуза, общественного выбора Джеймса Бьюкенена, постиндустриального (точнее – нового индустриального) общества Джона Гэлбрейта рассматривают эволюцию экономических институтов как средство повышения возможностей самоопределения человека.

Концепции эволюционной экономики особенно активно разрабатываются именно в рамках неинституционализма. Принадлежащий к этому направлению один из наиболее активных лидеров эволюционно-институционального подхода английский экономист Джеффри Ходжсон является одновременно и убежденным неodarвинистом. Он постоянно пользуется аналогиями между рыночной и биологической средой.

В то же время правы, по-видимому, С. Дорошенко и Е. Попов, которые протестуют против некритического отождествления институционализма и эволюционизма в сфере экономической науки и требуют их основательного разграничения (Дорошенко, Попов, 2002, с. 32).

Д. Ходжсон подразделяет все теории экономической эволюции на две большие группы – теории развития и теории генетики. Представители первой группы, куда Д. Ходжсон относит К. Маркса и Й. Шумпетера, абстрагируются от консервативного элемента, содержащегося в институциональной “генетике” и передаваемого от одного поколения участвующих в экономике субъектов другому. В рамках этого подхода процесс экономической эволюции выступает как “спираль прогресса”, которую можно искусственно “раскручивать” и подталкивать революциями, модернизациями, реформами и т.д.

Сторонники другой группы теорий экономической эволюции (А. Смит, Т. Веблен и др.) признают наличие “генов”, происходящих из неизменной сущности человека и связанных с ней неотъемлемых (атрибутивных) человеческих свойств. При этом одни генетически ориентированные экономисты придерживаются “онтогенетического” подхода, признающего неизменность “генов”, другие – “филогенетического”, предусматривающего возможность трансформаций. Наконец, среди сторонников “филогенетического” подхода имеются “дарвинисты”, отрицающие возможность наследования приобретенных признаков, и “ламаркисты”, признающие такую возможность, несмотря на то что в биологических науках она опровергнута всей суммой экспериментальных исследований (Ольсевич, 1997, с. 20–21).

Как видно из вышеприведенных рассуждений, сам Д. Ходжсон, как и другие представители эволюционно-экономического подхода, оперируют аналогиями экономики и биологии. А это значит, что экономический эволюционизм не выработал пока своего собственного методологического аппарата и заимствует его из биологии и генетики в готовом виде. В общенаучной методологии сведение более высоких форм эволюции (в данном случае социально-экономических) к более низким (биологическим) получило название редуционизма. Несмотря на значительное распространение редуционизма в современной науке, необходимо постоянно учитывать его методологическую ограниченность в качестве аналогии, условно отождествляющей закономерности эволюции в разнокачественных сферах действительности.

В. Маевский (1997) выделяет три направления исследований в рамках эволюционной экономики – институциональное, микроэкономическое и макроэкономическое (Маевский, 1997, с. 10). Первое включает две школы – старую и новую. Старая рассматривает институты как сложившиеся в обществе социальные формы, которые направляют действия людей и организаций, новая – как формы, задающие лишь правила игры, в рамках которых люди и организации могут обрести максимальную свободу действий. Микроэкономическое направление исследует эволюцию фирм и корпораций, их возникновение (зарождение), различные этапы жизненного цикла, динамику состояний, взаимодействие, гибель, мутации, наследственные механизмы и т.д. К макроэкономическому направлению В. Маевский относит концепции С. Глазьева об эволюции технологических укладов, С. Фримена о смене технико-экономических парадигм, Й. Шумпетера о разнообразных циклах экономического развития. Вместе с тем такие концепции, играющие значительную роль в философско-экономическом и историко-экономическом осмыслении эволюционных процессов, не находят пока альтернативных подходов к проблемам текущей и среднесрочной динамики (Маевский, 1997, с. 14).

Таким образом, эволюционно-институциональный подход нуждается в новых нестандартных идеях, способных углубить наши знания об источниках и механизмах экономической эволюции. Как правило, такому углублению в историю экономической мысли в наибольшей степени способствовал именно анализ кризисов, особенно таких крупномасштабных, как циклические потрясения конца XIX в., “великая депрессия” в 1929–1932 гг. и трансформационный кризис конца XX–начала XXI в. в России и других странах СНГ.

2. РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время можно говорить уже о формировании в российской экономической науке научной школы, стремящейся истолковать реалии переходной, прежде всего отечественной, экономики в терминах, категориях и методологических рамках эволюционно-институционального подхода. К числу наиболее плодотворно работающих ученых в этой области можно отнести таких признанных мэтров российской экономической науки, как Л. Абалкин, Д. Львов, В. Макаров, В. Маевский, В. Полтерович, А. Нестеренко, В. Волконский, Ю. Яковец, Г. Клейнер, В. Гребенников, Ю. Овсиенко, В. Пресняков, А. Шаститко, А. Олейник, О. Сухарев и др.

Можно назвать немало работ российских экономистов, проведенных в русле эволюционной экономики, в которых содержатся весьма перспективные идеи в области антикризисного регулирования трансформационных процессов. К числу этих идей относится интеграционная теория

предприятий, развитая в ЦЭМИ РАН под руководством Г. Клейнера (Клейнер, 1999; Клейнер, Тамбовцев, Качалов, 1997; Клейнер, 2001; Макаров, Клейнер, 1999). Согласно этой теории, взаимодействие предприятий в рамках национальной экономики приводит к генерированию ими не только потоков товаров, но и институциональных структур, выражающихся в принятии взаимных обязательств и ответственности. Эти структуры выступают в качестве своеобразной соединительной ткани экономики, без которой не могут эффективно действовать рыночные механизмы, включая стремление к максимизации прибыли.

В работах В. Полтеровича (1998, 2000, 2001) важные результаты на основе применения институционально-эволюционной теории были достигнуты в сфере объяснения феномена так называемых “институциональных ловушек”, изучения особенностей коррупции, проблемы трансплантации институтов из одной экономической среды в другую, менее развитую и т.д.

В работах В. Макарова (Макаров, 1997а; Макаров, 1997б; Макаров, Клейнер, 1999) обоснована концепция двухступенчатости в потреблении экономических благ, которая позволяет найти выход из перманентного кризиса социально-экономических институтов, возникающего вследствие недофинансирования социальной политики. Идея заключается в предоставлении социальных благ по низким фиксированным ценам (включая услуги образования, здравоохранения, коммунального сектора и т.д.). По достижении определенного порога обеспеченности эти блага выступают как обычный рыночный товар.

В работах Д. Львова, В. Гребенникова, В. Преснякова и др. (Гребенников, 1997; Зотов и др., 2001; Львов, Гребенников и др., 1995; Львов, 2002) развита эволюционная концепция трансформации собственности, базирующаяся на последовательном расчленении комплекса прав собственности и отделении предпринимательских функций от непосредственного обладания имуществом. Становление предпринимательских функций рассматривается при этом как сложный процесс отбора и конкуренции.

В ряде работ В. Маевского обосновывается концепция макрогенераций (своего рода экономических “популяций”), которые, согласно его определению, представляют собой экономические подсистемы, обладающие свойством рождаться, жить и умирать (Маевский, 1997, с. 76). Причем именно представление макроуровня как совокупности макрогенераций позволяет рассматривать экономику как эволюционно развивающуюся систему. В. Маевский выделяет молодые и старые макрогенерации. Первые соответствуют неоклассическому представлению о гибкости цен и негибкости производства, тогда как вторые – неокейнсианскому представлению о гибкости производства и негибкости цен (Маевский, 1997, с. 78). Сводя воедино теоретические подходы неоклассической и неокейнсианской школ на основе концепции макрогенераций, можно, согласно В. Маевскому, построить общую теорию экономических циклов, центральное место в которой должна занять эволюционная модель эндогенного механизма цикличности.

Авторы коллективной монографии (От кризиса к росту, 1998) выделяют три основных этапа рыночной трансформации, на каждом из которых, по их мнению, осуществляется особый тип эволюции. Первый этап – латентная эволюция – заключается в скрытом, подспудном накоплении трансформационного потенциала “зрелого” социализма, связанного как с логикой его самопроизвольного вырождения, так и с попытками модернизации (От кризиса к росту, 1998, с. 12).

Второй этап – адаптационная эволюция – образование переходной экономики и процессы приспособления общества и экономических субъектов к изменившимся условиям. Трансформационный кризис в период адаптационной эволюции выступает одновременно и как кризис адаптации, и как результат пока еще существующих старых институциональных структур.

Наконец, третий этап, системная эволюция, состоит в реальном преобразовании всей системы с выходом на первый план механизмов саморегулирования на основе завершающегося формирования всеобъемлющей системы рыночных институтов. Системная эволюция связывается авторами работы, прежде всего, с системным институциональным развитием (От кризиса к росту, 1998, с. 13).

Представляет интерес либерально-монетаристский вариант эволюционной экономики, предложенный А. Улюкаевым (1996). Автор считает, что революционные реформы, проведенные командой Е. Гайдара, сформировали экономические предпосылки развития капитализма в России и привели к разрыву постепенности в рамках социалистического типа экономики, ввели экономику России в иную, капиталистическую постепенность. Тем самым появилась возможность реализовать закономерности теории эволюционного развития, сформулированные Д. Нортон, Р. Нельсоном и С. Уинтером (Улюкаев, 1996, с. 16). Такая теория предполагает два взаимосвязанных типа эволюции – организационных структур и институциональных правил (Улюкаев, 1996, с. 15). Важнейшими достижениями российской “революции 1992 г.” А. Улюкаев считает

образование новых институтов российской государственности и экономических институтов капиталистического развития в виде приватизации, маркетизации и становления национального капитала. Как и всякая революция, эта революция привела к становлению несовершенных институтов. Их дальнейшее совершенствование на обоих уровнях (организационных структур и институциональных правил) должно осуществляться эволюционным путем (Улюкаев, 1996, с. 22).

В коллективной монографии (Анатомия кризисов, 1999) кризисы рассматриваются как эпизоды непрерывной эволюции, во время которой наблюдается не только наиболее интенсивное течение эволюционных процессов, но также и частичная деградация (инволюция) переживающих кризис систем (Анатомия кризисов, 1999, с. 192). Кризисы – это моменты смены программ эволюции, подготавливающие новые эволюционные циклы. Именно это обстоятельство дает возможность управлять ходом кризисов. Болезненность переходного периода усиливается с превышением порога скорости, с которой система жизнеобеспечения способна следовать за меняющейся программой. Поэтому важнейшим приемом смягчения кризисов является постепенное “выпускание пара”, сбрасывание мелкими порциями накопившихся напряжений (Анатомия кризисов, 1999, с. 216).

В работе Г. Клейнера (2001) содержится ряд концептуальных положений фундаментального характера. Рассматривая процесс генезиса институтов, Г. Клейнер отмечает, что он происходит не путем планомерной или хаотической перестройки, а разворачивается в относительно независимом от действий реформаторов институциональном пространстве, заполненном всей совокупностью существующих, существовавших и даже мыслимых институтов. Интересы экономических субъектов служат катализатором институциональных преобразований, а не их первоосновой (Клейнер, 2001, с. 48). Поэтому новые институты не могут возникнуть на пустом месте. Они связаны с развитием путем “скрещивания” базисных протоинститутов и последующего селекционного отбора с закреплением полезных результатов и “отсевом” нежизнеспособных (Клейнер, 2001, с. 51). Введение новых институтов посредством институциональных реформ представляет собой, по существу, процесс “институционального протезирования”, после которого необходим период “вживления” (адаптации) приобретенных “протезов” (с. 57). Для того чтобы этот процесс протекал наименее болезненно, ему должен предшествовать процесс реалистичного институционального проектирования (с. 58).

Не менее важное концептуальное положение высказано в статье В. Маевского (2001). Рассматривая произошедшую в процессе реформ эволюцию российских экономических институтов, В. Маевский обосновывает необходимость трансформации не только новообразованных, эволюционных, но и консервативных институтов. Пока не отлажено действие консервативных институтов, обеспечивающих надежность и эффективность трансакций, невозможно рассчитывать и на эволюционные институты (Маевский, 2001, с. 23). Отсюда возникла одна из основных ошибок российских реформаторов: занявшись искусственным насаждением новых институтов, они подвергли разрушению или не придали должного значения институтам консервативным, что и предопределило низкую эффективность преобразований.

Глубокий концептуальный анализ институциональных изменений, произошедших в России в 1990-е годы XX в., дан в работе Ю. Овсиенко (2000). Автор показывает, что реальная эволюция экономики России, происходившая в период “развернутых” реформ, двигалась по существу по пути, проторенному в советское время. Уже в СССР существовал неформальный институт, выводивший действия высшего чиновничества за рамки существующего законодательства (Овсиенко, 2000, с. 9). В процессе приватизации произошла раздача общественного богатства заранее отобранной группе лиц, выделившейся из этого же социального слоя (Овсиенко, 2000, с. 6). Им был предоставлен режим безнаказанности, позволявший нарушать любые законы. Для остальной части населения, включавшей около 97% его, были созданы условия, при которых падение доходов опережало спад производства, а следовательно, происходил кажущийся рост продуктивности заработной платы. Подлинно эволюционный путь цивилизованных институциональных преобразований автор связывает с устранением подобных “кастовых” различий, упорядочением экономических отношений, подчинением всех участников экономического процесса единым законам и “правилам игры” (Овсиенко, 2000, с. 12).

Серьезное развитие идеи экономического эволюционизма в связи с проблемами переходной экономики было достигнуто на симпозиуме “Эволюционная экономика и мейнстрим”, состоявшемся в г. Пушкино в 1998 г. В материалах симпозиума (Эволюционная экономика, 2000) нашли отражение идеи Л. Абалкина о возможностях эволюционной экономики для переосмысления базисных принципов методологии реформирования переходной экономики, В. Маевского – об использовании неравновесных процессов в макрогенерациях для упорядочения хаотических со-

стояний посредством макроэкономического регулирования, А. Нестеренко – о возможностях синтеза эволюционной экономики и ортодоксальной экономической теории (“мэйнстрима”), О. Сухарева – о “новом объяснении” проблем ортодоксальной теории с помощью институционально-эволюционного подхода и т.д. Ведущую идею сборника можно определить как поиск альтернативы официальной доктрине реформирования, базирующейся на ортодоксальной теории, причем альтернативы и в теоретико-методологическом, и в практическом плане.

3. ЭВОЛЮЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Мы считаем, что объяснение и предсказание хода трансформационного кризиса будет неизбежно узким и недостаточно адекватным действительности в рамках ортодоксальных (неоклассических и неокейнсианских) теорий. Лишь эволюционно-институциональный подход обладает достаточным методологическим аппаратом для истолкования многих проблем, поставленных “нетрадиционным” кризисом, и поиска путей его преодоления. Анализ реалий этого кризиса показывает, что они четко укладываются в картину эволюционного процесса, развитую таким крупнейшим научным авторитетом XX в., как Илья Пригожин. В книге (Пригожин, Стенгерс, 1986) можно найти классическое описание эволюционного механизма, который обуславливает неизбежность подобных кризисов и создает предпосылки их преодоления.

Рассмотрим вкратце ход кризиса в терминах концепции И. Пригожина. Советская плановая экономика может рассматриваться как чрезвычайно жесткая иерархическая структура с ограниченным набором степеней свободы и командно-административным порядком, существенно нарушающимся при незначительных преобразованиях. Этот порядок нарушается при высоком уровне преобразований, вводящих достаточный для прогрессивного эволюционирования уровень экономической свободы. Без достижения этого уровня система неизбежно деградирует, становится все более неконкурентоспособной и нежизнеспособной. Данная система – по сути представляющая собой систему мобилизационно-милитаристской организации экономики – в короткий период, соответствующий предвоенному, военному и послевоенному этапу развития, достигает высокого энергетического потенциала. Затем этот энергетический потенциал убывает вначале в арифметической, а затем и в геометрической прогрессии, что порождает то усиливающуюся, то ослабевающую, но, в конечном счете, все более явную тенденцию преобразования в направлении рыночной экономики. Попытки дополнить систему рыночными элементами и имитациями рыночных структур только дополнительно расшатывают ее и увеличивают число и силу разнообразных флуктуаций – микрокризисов, которые накладываются на перманентно-кризисный характер “бескризисного” развития и все более серьезно дестабилизируют систему. По мере удаления во времени от военного периода, когда система вполне контролировала свои подсистемы, уровень сложности системы нарастает, и флуктуации ее подсистем стали все менее поддаваться контролю и удержанию в рамках системы. Меры, направленные на повышение эффективности системы, в конечном счете, приводят к ее все большей дестабилизации, к расшатыванию необходимого для ее функционирования уровня жесткости и закрытости. Закрытая советская экономика может функционировать только в рамках обратимого хода хозяйственных процессов, необратимые же процессы приводят ее в состояние необратимой деградации. Потенциальная неустойчивость системы объясняется также ее однородностью.

В период перестройки попытки последовательного преобразования системы привели к нарастанию флуктуаций и образованию их комбинации, которая очень скоро стала разрушать сами основы системной организации. Система достигла точки бифуркации, характеризующейся резкой реактивностью в ответ на плавные воздействия и быстрым нарастанием неравновесных и хаотических процессов. Равновесный хаос сменился неравновесным, турбулентным хаосом. Точка бифуркации была пройдена в 1988 г., а сама перестройка явилась первичной бифуркацией, за которой последовал каскад новых бифуркаций.

Вторая бифуркация возникла в 1991 г. Ее результатом явился распад СССР и курс на ускоренный переход к рыночным отношениям. Третья бифуркация наступила в 1992 г., когда система отреагировала на ускоренные преобразования крупномасштабным спадом производства и дестабилизацией всех экономических процессов. Далее происходит явное учащение бифуркаций в виде новых неконтролируемых витков спада в 1993, 1994 и 1995 гг., колебаний между тенденциями к оживлению и новыми проявлениями экономического хаоса в самых различных отраслях. Наконец, новая мощная бифуркация проявилась в дефолте 17 августа 1998 г. Она выразилась в финансовом кризисе необычайной остроты и силы.

Попытки запустить процессы самоорганизации и посредством них создать диссипативную экономическую структуру не увенчались успехом. Возобладали накопленные системой энтропийно-хаотические процессы, и в настоящее время необходимо целенаправленное воссоздание порядка из хаоса.

Вице-президент Всемирного банка Дж. Стиглиц видит основную причину неудач российских реформ именно в недооценке роли институционально-эволюционных механизмов, включая корпоративное управление, институциональную и правовую инфраструктуру, социальное и организационное строение капитала и т.д. (Стиглиц, 1999, с. 4). Реформаторы “заикнулись” в рамках стандартной неоклассической теории, согласно которой для того чтобы рыночная экономика действовала хорошо, т.е. была оптимальной по Парето, нужны частная собственность и конкуренция (Стиглиц, 1999, с. 8). Но частная собственность и конкуренция сами являются результатом активной деятельности бизнеса, а не только его институциональными предпосылками. «Социальный и организационный капитал, – пишет Дж. Стиглиц, – нельзя насадить “сверху”. Люди должны играть активную и конструктивную роль в трансформации самих себя» (с. 13). Эффективной работы частной собственности нельзя добиться путем рассеивания капитала. Необходима, по Стиглицу, предпринимательская реструктуризация существующих предприятий (с. 14). Главный вывод статьи Дж. Стиглица заключается в том, что оптимальный переход может обеспечить эволюционный, а не революционный путь, путь последовательных институциональных преобразований.

Слабость неоклассической позиции в институционально-эволюционном плане обсуждается и в статье английского экономиста А. Ноува (1993). Невмешательство правительства в направленность экономических процессов, соответствующее неоклассической доктрине, приводит, по Ноуву, к кумулятивному институциональному эффекту, обостряющему кризис, выход из которого невозможен без антициклических мер (Ноув, 1993, с. 21). А сами эти меры не дали бы эффекта ввиду аномального состояния циклов.

В работе В. Занга (1999) излагаются основы синергетического подхода к эволюционной экономической теории. Эти идеи представляются нам весьма перспективными, они могут быть использованы для поиска путей преодоления кризисных состояний переходной экономики. Синергетическая направленность изучения экономической эволюции позволяет применить к изучению неустойчивых состояний развитый математический аппарат. Главное внимание при синергетическом подходе уделяется неустойчивым, нелинейным и неравновесным процессам, хаотическим состояниям, способным посредством самоорганизации образовывать инновационную упорядоченность. По существу, речь идет об оптимизации регулирования систем, в которых малые сдвиги в параметрах влекут за собой качественные изменения динамики поведения (Занг, 1999).

Возможности применения синергетического подхода к методологии регулирования переходной экономики связаны, на наш взгляд, со следующими обстоятельствами:

1) экономика базируется на синергетике, которая представляет собой общую теорию поведения систем, обладающих особыми свойствами (данное определение принадлежит создателю синергетики Г. Хакену);

2) наиболее плодотворное приложение синергетики к экономике предполагает изучение неравновесных фазовых переходов и критических точек, в которых системы изменяют характер своего макроскопического поведения;

3) синергетическая экономика позволяет глубже описать и объяснить эволюцию экономических систем, их самоорганизацию в результате регулирующих воздействий.

Синергетическая методология в переходной экономике связана с ориентацией регулирующих воздействий на стимулирование процессов самоорганизации в регулируемых системах. Направленность регулирования на самоорганизацию и саморегулирование выступает как методологический принцип критериального характера, позволяющий обнаружить и распознать ошибки и просчеты регулирования, найти способы корректировки регулирующих воздействий. Эффективным может считаться лишь то регулирующее воздействие, которое реально стимулирует заинтересованность экономических субъектов перейти к нормальным товарно-денежным отношениям, продуцирует предпринимательскую активность, позволяет отказаться от бартера, взаимных неплатежей, уклонений от налогов и т.д. “Тромбы” в товарно-денежных потоках могут образовываться и от недостаточного, и от чрезмерного регулирования.

Кроме того, синергетический подход связан с осознанием узости взглядов, рассматривающих решение экономических проблем в связи с успехами только экономического регулирования. Как отмечает В. Занг, с точки зрения синергетической экономики экономическое развитие не опре-

исследователям вникнуть в те эволюционные механизмы, которые наряду с ошибками реформаторов приводят к “застреванию” на полпути между командным и рыночным типами экономического развития.

Соответственно проступают и основные контуры теоретического освоения проблемы преодоления трансформационного кризиса. Современный стиль экономических реформ в том виде, в каком он возник в странах с развитой рыночной экономикой, заключается в создании условий для последовательно направляемой и регулируемой эволюции хозяйственных систем.

Непрерывные реформы и макроэкономическое регулирование в условиях колебательного режима, задаваемого демократическими институтами, образуют институциональный каркас направленной эволюции экономических систем, а вместе с ними – политических, социальных, научно-технических систем и т.д. В условиях непрерывного системного кризиса главная проблема состоит в создании и последовательном совершенствовании институтов и механизмов, способствующих осуществлению направленной, а не самопроизвольной эволюции. Самопроизвольная эволюция при отсутствии отрегулированных институтов порождает только хаос.

Первостепенное значение для методологии преодоления трансформационного кризиса имеет группа взаимосвязанных понятий, введенная в научный обиход институционально-эволюционной теорией на основе кибернетики, в нее включаются такие понятия, как кумулятивная причинность, положительная обратная связь и эффект блокировки (Нестеренко, 1997, с. 15–16).

Накопление институциональных отличий экономической системы СССР от рыночной экономики и связанный с ними мощный эффект блокировки не позволяют этой системе, доставшейся в наследство и странам СНГ, оптимально функционировать в рыночных условиях. Необходимо постоянно изучать разнообразные блоки системы, терпеливо и последовательно разблокировывать их в процессе институциональных преобразований. Для этого следует использовать анализ обратных связей по принципу “регулирующее воздействие – реакция системы – корректировка воздействия”. Эволюционный подход к институциональным преобразованиям предполагает активное воздействие государства на характер и содержание складывающихся институтов. Это воздействие отличается от того, которое вытекает из кейнсианско-дирижистских и неоллиберально-монетаристских рецептов экономического регулирования. На первый план здесь выступает своего рода селекционная работа, связанная с поддержанием позитивных институциональных форм и прерыванием наследования негативных. Естественный отбор на основе рыночной конкуренции должен быть дополнен искусственным отбором институциональных форм с заранее заданными качествами.

Очевидным минусом эволюционно-институционального подхода к развитой рыночной экономике, ограничивающим его востребованность в реальных процессах экономической эволюции при серьезной, несмотря на это, репутации в научных кругах, является возможность применить его главным образом к теоретическому описанию и объяснению экономических процессов в сочетании со значительно более скромными возможностями выработки конкретных практических рекомендаций для проведения текущих экономических реформ.

В самом деле, представители двух других школ, господствующих в экономической науке, – кейнсианцы (дирижисты) и монетаристы (неоклассики) – спорят о допустимости государственного вмешательства в экономику, об ориентации экономической политики в данный конкретный момент времени. Их рекомендации берут на вооружение правительства, их приглашают работать в составе правительств, привлекают в качестве советников, к их доводам прислушиваются представители политической элиты и широкие массы избирателей через средства массовой информации. Что могут к этому добавить представители институционализма? Главным образом, описания и объяснения того, как происходит экономическая эволюция, какое влияние она оказывает на процессы реформирования существующих политических, социальных, социопсихологических и социоэкономических институтов. Конечно, институционализм в сочетании с либерализмом выступает важной стороной неоконсервативной экономической политики, ориентируя политиков на органичные эволюционные преобразования. Но в обществе со сложившимися рыночными институтами поле его практической применимости сужается самим фактом отлаженности и отрегулированности институциональных связей.

Другое дело – переходная экономика, где эволюционный процесс складывается на основе целенаправленного формирования институционального фундамента. Здесь поле применения институционально-эволюционного подхода поистине необъятно. Собственно, переходная экономика по сути выступает как экспериментальная лаборатория институциональных преобразований. Здесь постоянно опробуются пути, методы и средства, способствующие превращению мобилизационно-распределительных институтов в рыночно-предпринимательские.

Использование эволюционных механизмов в переходной экономике и связанной с ними методологии преобразований позволяет найти выход из нового революционно-преобразовательного тупика, отрегулировать ход реформ таким образом, чтобы резкие рывки и образуемые ими “надрывы” ткани экономического организма компенсировались плавными, последовательными переходами с отладкой уже созданных институциональных форм. Именно эволюционистская методология располагает к ограничению вмешательства в эволюционные процессы минимумом воздействий, к пониманию того, что нельзя самопроизвольно создавать эволюцию, можно только помогать ее осуществлению, не мешая эволюционировать регулируемым объектам.

В этом смысле очень важно правильно использовать в рамках методологии эволюционной экономики заимствованный из кибернетики принцип неоднородности. Этот принцип сторонники экономического эволюционизма нередко неправомерно резко противопоставляют неоклассической доктрине, согласно которой система рыночной экономики функционирует тем лучше, чем больше в ней все экономические субъекты подчинены одинаковым рыночным “правилам игры”. Однако в данном тезисе нашел выражение эволюционизм, почерпнутый из аналогии между естественным отбором в рыночной экономике и живой природе. Сущность практических рекомендаций экономистов нелиберального направления состоит как раз в том, что в экономической среде могут выжить наиболее приспособленные и конкурентоспособные, а те, кто неспособен обеспечить достаточный уровень самоподдержания, должны уйти с дороги эволюции и заняться другими, более полезными и прибыльными делами.

Критикуя нелиберальный подход, сторонники эволюционно-институционального подхода указывают на то обстоятельство, что в быстро меняющейся среде (как рыночной, так и биологической) однородные системы, как правило, деградируют, а оптимальным приспособлением обладают системы с разнообразными, неоднородными элементами, действующими на основании разных принципов. Такой корифей экономико-математического мышления, как Я. Тинберген, выступил даже с положением о необходимости выработать отдельные инструменты экономической политики для каждой из сложившихся в экономике категорий экономических субъектов.

Из дирижистски трактуемого принципа неоднородности вытекает целесообразность поддержания государством жизнеспособности низкоэффективных экономических субъектов и производств, включая государственные предприятия, самоуправляемые коллективы, объекты коллективной собственности и т.д. Обеспечивать рентабельность многих из них можно только посредством создания особых условий реализации продукции, получения кредитов, государственных целевых дотаций и т.д. В постсоветской экономической литературе принцип неоднородности нередко используется для обоснования “дотационного” мышления специалистов старой школы, берущей начало из практики советских времен и стремящейся аргументировать применимость выводов из этой практики рыночной терминологией. Совершенно прав А. Нестеренко, когда он подчеркивает, что “неоднородность и внутренняя диверсифицированность укрепляют систему только в том случае, если один из принципов ее устройства имеет четко выраженный доминирующий характер: излишняя внутренняя диверсифицированность не менее опасна для системы, чем излишняя однородность” (Нестеренко, 1997, с. 10).

Рыночная экономика, как и живая природа, неоднородна по определению. К максимальной однородности стремится как раз административно направляемая система, поддерживающая отсталых и неэффективных за счет ослабления энергичных и предприимчивых.

Эволюция российской экономики в ходе трансформационного кризиса хорошо описывается в терминах теории катастроф с применением соответствующего математического аппарата. Сама сущность реформ, проводимых в России с 1992 г., заключается в постоянном выведении сложившейся экономической системы из равновесия с целью не дать ей застыть в устойчиво-равновесном состоянии и самопроизвольно прекратить навязанные ей изменения. Тем самым система искусственно поддерживается в режиме бифуркаций, в котором малые и плавные изменения приводят к катастрофическим сдвигам (например, финансовый кризис в августе–сентябре 1998 г.). После потери устойчивого равновесия, согласно теории катастроф, устанавливается нерегулярный колебательный режим (см. (Арнольд, 1990, с. 22)). В этом режиме сочетаются два вида потери устойчивости. Первый в математике называется мягкой потерей устойчивости, поскольку при таком варианте колебаний режим мало отличается от состояния равновесия. Колебания типа “жесткая монетарная политика – снижение инфляции – демонетизация реального сектора – спад производства – ослабление жесткости монетарной политики – повышение инфляции – жесткая монетарная политика и т.д.” создают неустойчивое равновесное состояние, при котором система в фазе резкого выхода из равновесия посредством монетарного подстегивания испытывает тен-

денцию к подъему, которая не реализуется в полной мере ввиду вводимых сверху ресурсных ограничений. Но стабильность системы, обретенная на основе постоянного выведения ее из равновесия, подрывается путем исчерпания внутренних ресурсов жизнеобеспечения системы, ее энергетики на данном конкретном энергетическом уровне. Тем самым готовится почва для новой потери устойчивости, которая в теории катастроф получила название жесткой. Для жесткой потери устойчивости необходимы лишь малые количественные возмущения, и тогда в ответ возникнет бурная реакция системы – катастрофа, посредством которой система переходит в иной режим движения. Этот режим движения может быть охарактеризован как странный аттрактор.

Аттракторами (притягивающими множествами) называются режимы движения динамических систем, которые своим поведением как бы “притягивают” к себе “соседние” по форме режимы, переходные процессы (Арнольд, 1990, с. 23). Странные аттракторы возникают в виде хаотических нарушений равновесия, отклонений колебательного режима от периодичности вследствие возникновения турбулентности. Нарушается цикличность протекающих в системе процессов, возникают автоколебания, возмущающие регулярность циклов. Турбулентные потоки приобретают вид самопроизвольно возникающих вихрей, нарушающих упорядоченность системы.

Что необходимо для того, чтобы вывести экономическую систему из состояния перманентного кризиса, чреватого серией катастроф? Неравновесное развитие системы на одном полюсе необходимо сбалансировать неравновесным развитием на другом. Тогда система придет в состояние такого равновесия, при котором станет возможной эволюция в направлении подъема. Повысить энергетику системы путем переориентации бизнеса и направить реальный сектор на нужды потребления – значит создать аттрактор саморегулирования системы. Направленная эволюция может плавно перейти в естественную эволюцию лишь при условии преодоления структурного перекоса в сторону тяжелой промышленности на основе компенсирующего развития потребительского сектора.

Успехи, достигнутые в изучении и математическом описании бифуркаций, демонстрирует работа Б. Хэссарда, Н. Казаринова и И. Вэна (1985), посвященная бифуркациям рождения цикла. Математический аппарат работы может быть применен к анализу и прогнозированию мягких и жестких потерь устойчивости, других бифуркационных проявлений кризисной цикличности переходной экономики России. В этом плане весьма перспективными представляются математические теории, связанные с оперированием относительностью времени, которые по существу являются синтезом теории относительности как одной из основ современной физики с эволюционным подходом к экономике.

Единое абсолютное время является лишь абстракцией, подгоняющей эволюцию различных систем под эволюцию самой крупномасштабной из известных нам систем – нашей Вселенной, Метагалактики. Абстракция абсолютного течения времени опирается на восприятие периодических процессов, от которых и отвлекается представление о постоянном и равномерном течении времени. Всякое же конкретное время есть форма протекания эволюции конкретной системы. Поэтому “собственное время системы является ее эмерджентной, т.е. присущей только системе, характеристикой” (Усманов, 1991, с. 3). На основании этих размышлений автор работы вводит понятие собственного времени системы и создает математический аппарат для его вычисления.

По существу попытка направленной эволюции планомерно-распределительной экономики в рыночную привела к кризисной аутоэволюции переходной экономики со специфической цикличностью и особым протеканием собственного времени.

Попытка использовать теорию катастроф для анализа процессов переходной экономики в России предпринята в книге И. Шургалиной (1997). В разделе “Антикризисное регулирование в свете теории катастроф” отмечается огромное значение малых воздействий, способных вызвать нелинейный эффект самоорганизации при неустойчивых состояниях системы. “Мощные, но неадекватные состоянию системы воздействия, – пишет И. Шургалина, – могут не дать желаемого... результата, в то время как не столь масштабные, но адекватные, могут при меньших затратах энергии легко вывести систему на одну из возможных предпочтительных траекторий и обеспечить желаемую направленность развития” (Шургалина, 1997, с. 163–164). К сожалению, автор работы ограничивается констатацией возможностей “малых” воздействий и даже не делает попытки выработать в этом направлении какие-либо конкретные рекомендации. Основная часть работы посвящена поиску аналогий между реальным развертыванием трансформационного экономического кризиса и общим описанием критических состояний на базе методологического аппарата теории катастроф и бифуркаций.

Позитивная роль трансформационного кризиса с точки зрения эволюционного пути трансформации переходной экономики может быть рассмотрена в связи с известным тезисом англий-

ского философа Карла Поппера, сформулированного им в работе “Объективное знание. Эволюционный подход” (Поппер, 1983).

Рассматривая эволюцию человеческого знания по аналогии с дарвиновской концепцией естественного отбора в живой природе, К. Поппер дополняет дарвиновскую теорию эволюции, обращая внимание на “теневую”, критическую, негативную сторону эволюционного процесса. По Дарвину, именно успех живого существа, популяции, вида в борьбе за существование, в приспособлении к своей среде гарантирует ему выживание и дальнейшее участие в процессе эволюции путем естественного отбора. Согласно Попперу, “не успех, а неудача приводит затем путем естественного отбора к сравнительному закреплению успешного способа реагирования” (Поппер, 1983, с. 492). Именно опровержение кризисом отбраковывает недостаточно жизнеспособные типы приспособления и ветви эволюционного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог аналитическому обзору идей и концепций, разработанных в русле эволюционно-институционального подхода как российскими, так и зарубежными учеными, мы можем констатировать прежде всего необычайную плодотворность их применения к трансформационным процессам в переходной экономике. Главное, что объединяет столь непохожих теоретиков, заключается в распространении на сферу социально-экономического развития достижений современного эволюционизма как общенаучной и философско-методологической базы исследования. Трансформационные процессы в переходной экономике выступают как своего рода экспериментальная среда, наблюдения над которой позволяют проследить реакции эволюционных механизмов на направленные, преобразующие воздействия реформаторов.

Другой отличительной чертой эволюционной экономики является постоянное внимание к формированию и изменению институтов как ведущего фактора эволюции социально-экономических и любых других социальных систем. Важнейшей проблемой трансформации институциональных структур является сочетание направленной и естественной эволюции. Суть проблемы состоит в том, что формирование рыночных институтов путем реформаторских усилий государства наталкивается на отсутствие в обществе реальных институциональных механизмов и предпосылок эффективного функционирования этих институтов на основе их естественной эволюции.

Другой стороной той же проблемы выступает совместимость “революционных” преобразований с собственно эволюционным путем развития, т.е. с ходом естественной эволюции, который не может осуществляться без последовательного и постепенного вызревания новых институтов на почве и при подпитке старыми, уже сложившимися и укоренившимися.

Эволюционно-институциональный подход к решению этой проблемы связан с консервативной ориентацией, которой так не достает привыкшему к радикально-деятельностным решениям российскому менталитету (в том числе и в сфере теоретического мышления). Не отрицая необходимости в отдельных случаях резких прорывов в области либерализации общественных отношений, ученые-эволюционисты в то же время настаивают на постепенной, последовательной подготовке институциональных преобразований, повседневной работе в этом направлении в противовес одномоментным попыткам введения их в действие.

В конечном счете, эволюционный путь предпочтительнее революционного, без которого нельзя обойтись лишь в том случае, если укоренившиеся институты создают прямые препятствия развитию новых. Но и в этом случае эволюционно-институциональный подход предполагает минимизацию “революционных” разрушений и поиск путей компромисса между социальными группами, представляющими старые и новые институты.

Если попытаться синтезировать положения сторонников эволюционно-институционального подхода с точки зрения возможности создать методологию преодоления трансформационного кризиса, то можно изложить эти положения в виде следующей системы базисных принципов преобразования.

1. Связность преобразований и отражающих их институциональных структур (принцип Г. Клейнера).
2. Учет “институциональных ловушек” (принцип В. Полтеровича).
3. Базисная роль института собственности и комплекса прав собственности (принцип Д. Львова–В. Гребенникова).
4. Конкуренция экономических популяций, макрогенераций (принцип В. Маевского).

5. Двухступенчатость в потреблении экономических благ и структуры социально-экономических институтов (принцип В. Макарова).
6. Потребительская направленность экономической системы (принцип Т. Веблена).
7. Первенство права по отношению к экономике, создание правовой экономической системы (принцип Дж. Коммонса).
8. Стимулирование деловой активности (принцип У. Митчелла).
9. Сочетание либерализации с упорядоченностью (принцип ордолиберализма В. Ойкена).
10. Порождение порядка из хаоса, используя в том числе флуктуации и бифуркации, стимулирование диссипативных структур (принцип И. Пригожина).
11. Предпочтительность эволюционно-реформистского пути преобразований перед революционно-реорганизаторским (принцип Дж. Стиглица).
12. Использование кризисных явлений и неудач для активизации эволюционных процессов (принцип К. Поппера).

Важнейшим аспектом развития институционально-эволюционного подхода на современном этапе мы считаем создание основных контуров синтетической теории экономической эволюции (СТЭЭ). Напомним, что синтетическая теория биологической эволюции занимает сегодня господствующие позиции в биологии и характеризуется исследователями как современный дарвинизм. При этом – в сравнении с классическим дарвинизмом – произошло смешение представлений об основных субъектах эволюционного процесса с концепцией происхождения видов и переход к концепции конкуренции популяций.

Создание СТЭЭ могло бы иметь поистине историческое значение в эволюции экономической науки. Ведь современная экономическая наука не представляет собой стройного логического единства, она скорее напоминает нерегулируемый рынок, наполненный интеллектуальным товаром различных научных школ, направлений, течений, авторов разнообразных идей, концепций, гипотез, моделей и т.д. Отсутствует доказательная модель экономического поведения, которая могла бы претендовать на роль эталонной теории (подобно тому, как в современной космологии синтезирующую роль играет эталонная космологическая модель эволюции Метагалактики). СТЭЭ могла бы сыграть роль эталонной модели, синтезирующей различные подходы к экономическим процессам и предоставляющей практикам мощное теоретическое оружие для регулирования экономических процессов.

В рамках настоящей статьи отметим лишь некоторые методологические моменты формирования СТЭЭ. Прежде всего, институционально-эволюционный подход, по нашему мнению, занимает ведущие позиции в качестве инициатора СТЭЭ, не может претендовать на монополию в синтезе экономических теорий. Напротив, для формирования СТЭЭ необходим синтез ряда фундаментальных положений институционализма с теориями, которые сторонники эволюционного подхода называют ортодоксальными. К ортодоксальным теориям они относят две другие великие школы современной экономической теории – неоклассическую (включая монетаризм) и кейнсианскую (или дирижистскую). В противопоставлении институционализма, в рамках которого развивается эволюционный подход, так называемым ортодоксальным теориям нашел отражение оппозиционный характер институциональной школы, ее стремление к решительному обоснованию экономической науки. Однако и две другие великие школы современной экономической теории – неоклассика и кейнсианство – отнюдь не столь ортодоксальны и не застыли в своем развитии. Наоборот, они постоянно эволюционируют, адаптируясь к постоянно изменяющейся экономической реальности, выдвигая новаторские концепции и гипотезы, стремясь сделать их конкурентоспособными на современном рынке идей.

Наиболее четкое разграничение между эволюционно-институциональным и ортодоксальным подходами к экономическому развитию проведено в статье В. Маевского (Маевский, 2001). Это разграничение включает четыре основных позиции и связано со следующими отличиями в концептуально-методологической базе исследований.

1. Если неоклассики рассматривают всех экономических субъектов как однородных в своих экономических интересах и предпочтениях, то эволюционисты – вслед за Й. Шумпетером (который внес наибольший вклад в эволюционную экономику XX в.) – все множество экономических субъектов подразделяют на новаторов и консерваторов, т.е. две большие группы с альтернативными интересами и моделями поведения.

2. Неоклассики рассматривают в качестве идеального рынка модель совершенной конкуренции, в рамках которой наиболее интенсивно действуют механизмы рыночного саморегулирования. Эволюционалисты же рассматривают рынок как арену борьбы новаторов с консерватора-

ми за ресурсы и возможности сбыта. При этом новаторы, выходя на рынок с нововведениями, оказываются на некоторое время монополистами, вытесняя наименее эффективных консерваторов.

3. В неоклассических моделях не имеет значения предыстория тех или иных экономических процессов, а институционально-эволюционный подход придает ей фундаментальное значение.

4. Для неоклассиков одним из главных мотивов поведения экономических субъектов является движение к равновесию между спросом и предложением, неравновесные состояния они рассматривают как фактор нестабильности, требующий преодоления. Эволюционисты рассматривают неравновесие как одно из основных условий развития.

Наконец, эволюционисты оспаривают убеждение неоклассиков во всеобщем стремлении экономических субъектов к максимизации прибыли, поскольку консерваторы стараются лишь сохранить обретенный ранее уровень прибыли (Маевский, 2001, с. 5–6).

Противопоставив две вышеописанные точки зрения на экономическое развитие, В. Маевский в то же время высказывает предположение о возможности их синтеза. По его мнению, в рамках этого синтеза неоклассика потеряет свои господствующие позиции в экономической науке, сохранив свое значение лишь в статике экономического моделирования (при решении задач, связанных с расчетом текущих цен, тарифов, ставок процента, объемов выпуска и т.д.). Эволюционная же теория выйдет на передовые рубежи в решении задач экономической динамики, объяснении переходных процессов, смены технологий и т.д. Базой для такого синтеза В. Маевский считает дальнейшее исследование неравновесных процессов (Маевский, 2001, с. 5–6).

Таким образом, именно вышеуказанная статья В. Маевского впервые наметила методологические ориентиры для закономерного обусловленного синтеза институционально-эволюционного и ортодоксального (прежде всего – неоклассического) подходов. Вместе с тем резкое противопоставление эволюционизма в экономической науке неоклассической теории экономикса привело к известной недооценке эволюционных наработок самой неоклассической теории, оттеснении ее на роль статической компоненты в структуре будущей синтетической теории экономической эволюции.

Между тем именно неоклассическая теория противостоит кейнсианству и другим дирижистским концепциям в современной науке, прежде всего в том, что она отводит значительно более важную роль естественному ходу экономической эволюции и предполагает ограничение вмешательства государственных органов любых уровней в дела экономических субъектов и развертывание эволюционных процессов. Она придает большое значение дерегулированию, освобождению механизмов рыночного саморегулирования из-под опеки государства, построению системы государственного регулирования на основе максимального использования эволюционных процессов, естественно складывающихся тенденций.

Поэтому синтез эволюционно-институциональной и неоклассической теорий должен, как мы полагаем, базироваться на учете эволюционного потенциала неоклассической и даже дирижистской доктрины. В этом плане самого пристального внимания заслуживает сочетание двух идей, которые постепенно пробивают себе дорогу в современном научно-эволюционном мировоззрении на общенаучном и философском уровнях. Речь идет о концепциях аутоэволюции (т.е. саморазвития и самосовершенствования эволюционирующих систем) и направленной эволюции (т.е. регулирования этих систем таким образом, чтобы способствовать оптимальному ходу эволюционных процессов).

Если рассмотреть с этой точки зрения положение неоклассиков о стремлении субъектов рыночной экономики к максимизации прибыли, то можно выявить и его эволюционное содержание. Ведь эволюция живых и социально организованных систем приводит к интенсивным изменениям прогрессивного характера не только благодаря постоянному стремлению этих систем к выживанию в условиях постоянно меняющейся внешней среды, как это констатировал великий создатель биологической теории эволюции Ч. Дарвин. Все эти системы, в том числе и экономические, приобрели в процессе предшествующей эволюции постоянную внутреннюю устремленность не только к выживанию, но и к оптимизации своей жизнедеятельности. В рыночной экономике она проявляется в стремлении к максимизации прибыли, т.е. приобретении прибавочных ресурсов, которые в максимальной степени превышают затраченные ресурсы. И когда консервативные системы пытаются сохранить уже полученную прибыль, – а в кризисной российской экономике таких систем большинство, – то это стремление также продиктовано стремлением получить максимальную прибыль в неблагоприятных условиях.

Эволюционный путь выхода российской экономики из нынешнего трансформационного кризиса видится нам в связи с экономической политикой, сочетающей направленную эволюцию уже существующих экономических систем с созданием условий для их самостоятельной аутоэволюции.

Преодоление трансформационного кризиса может быть успешным лишь в том случае, если оно будет осуществляться на базе системной, комплексной, глубоко продуманной и критически выверенной методологии, оптимального сочетания решительных бизнесориентированных реформ, эффективного государственного регулирования, последовательных антикризисных стабилизационных мероприятий и эволюционно-институционального подхода к преобразованиям, предполагающего не революционную ломку, а эволюционное изменение саморегулирующихся социально-экономических институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И.** (2000): Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения. В кн.: «*Эволюционная экономика и “мэйнстрим”*». М.: Наука.
- Анатомия кризисов (1999) / Под ред. А.Д. Арманда, Д.И. Люри, В.В. Жерихина и др. М.: Наука.
- Арнольд В.И.** (1990): Теория катастроф. М.: Наука.
- Бессонов В.А.** (2000): О трансформационных структурных сдвигах российского промышленного производства // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 4. № 2.
- Волконский В.А.** (1998): Институциональные проблемы российских реформ. СПб.: АО “Диалог-МГУ”.
- Гребенников В.Г.** (1997): Моделирование взаимосвязи ресурсно-технологического и институционального аспектов воспроизводства. Дис. на соис. уч. ст. д.э.н. М.: ЦЭМИ РАН.
- Дорошенко С.В., Попов Е.В.** (2002): Об эволюционной региономике // *Экономическая наука современной России*. № 1.
- Занг В.Б.** (1999): Синергическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир.
- Зондов К.Х.** (1999): Циклические процессы в советской и переходной российской экономике. М.: ИПР РАН.
- Зондов К.Х.** (2001): Кризисная цикличность и методология антикризисного регулирования переходной экономики России // *Экономическая наука современной России*. № 2.
- Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь О.В.** (2001): Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // *Экономическая наука современной России*. № 4.
- Клейнер Г.Б.** (1999): Политика социально-экономической стабилизации: условия, содержание, институты. В кн.: “*Пути стабилизации экономики России*” / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Информэлектро.
- Клейнер Г.Б.** (2001): Особенности процессов формирования эволюции социально-экономических институтов в России. М.: ЦЭМИ РАН.
- Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М.** (1997): Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика.
- Львов Д.С.** (2002): Экономика развития. М.: Экзамен.
- Львов Д., Гребенников В., Пресняков В., Зотов В.** (1995): Как лучше распорядиться собственностью // *Вопр. экономики*. № 9.
- Маевский В.И.** (2001): Эволюционная теория и институты // *Вестник ГУУ. Институциональная экономика*. № 1 (2).
- Маевский В.И.** (1997): Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня.
- Маевский В.И.** (1997): Эволюция макрогенераций и современные макроэкономические теории // *Эволюционная экономика на пороге XXI века*. М.: Япония сегодня.
- Маевский В.** (2001): Эволюционная теория и технологический прогресс // *Вопр. экономики*. № 11.
- Макаров В.** (1997): О применении метода эволюционной экономики // *Вопр. экономики*. № 3.
- Макаров В.Л.** (1997): Эволюционный подход в понимании нового общества // *Эволюционная экономика на пороге XXI века*. М.: Япония сегодня.
- Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.** (1999): Развитие бартерных отношений в России. Институциональный этап. М.: ЦЭМИ РАН.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.** (2000): Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ.
- Нестеренко А.Н.** (1997): Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы // *Эволюционная экономика на пороге XXI века*. М.: Япония сегодня.
- Норт Д.** (1997): Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Фонд экономической книги “Начала”. М.: Япония сегодня.

- Ноув А.** (1993): Какой должна быть экономическая теория переходного периода? // *Вопр. экономики.* № 11.
- Овсиенко Ю.В.** (2000): Институциональные сдвиги в России, их социальные и экономические последствия // *Экономика и мат. методы.* Т. 36. Вып. 4.
- Олейник А.Н.** (2000): Институциональная экономика. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М.
- Ольсевич Ю.Я.** (1997): К теории экономических трансформаций. М.: ИЭ РАН.
- От кризиса к росту (1998): От кризиса к росту (опыт стран с переходной экономикой) / Под ред. М.А. Дерябиной. М.: Эдиториал УРСС.
- Полтерович В.М.** (2001): Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России.* № 4.
- Полтерович В.М.** (1998): Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России.* № 1.
- Полтерович В.М.** (2000): Институциональная динамика и теория реформ. В кн.: «*Эволюционная экономика и “мейнстрим”*». М.: Наука.
- Поппер К.** (1983): Объективное знание. Эволюционный подход. В кн.: «*Логика и рост научного знания. Избранные работы*». М.: Прогресс.
- Пригожин И., Стенгерс И.** (1986): Порядок из хаоса. М.: Прогресс.
- Стиглиц Дж.** (1999): Куда ведут реформы (К десятилетию начала переходных процессов) // *Вопр. экономики.* № 7.
- Сухарев О.С.** (2001): Институциональная теория и экономическая политика (К новой теории передаточного механизма в макроэкономике). Кн. 1: «*Институциональная теория. Методологический эскиз*». М.: ИЭ РАН.
- Улюкаев А.** (1996): Переход (о политико-экономических проблемах системной трансформации в России) // *Вопр. экономики.* № 10.
- Усманов З.Д.** (1991): Моделирование времени. М.: Знание.
- Хэссард Б., Казаринов Н., Вэн И.** (1985): Теория приложения бифуркации рождения цикла. М.: Мир.
- Шаститко А.Е.** (1998): Новая институциональная теория. М.: ТЕИС.
- Шургаллина И.Н.** (1997): Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф. М.: РОССПЭН.
- Эволюционная экономика (2000): Эволюционная экономика и «*мэйнстрим*». М.: Наука.
- Эволюционный подход (1995): Эволюционный подход и проблемы переходной экономики. М.: ИЭ РАН.
- Эггертссон Л., Трауни А.** (2001): Экономическое поведение и институты. М.: Дело.

Поступила в редакцию
18.10.2002 г.

Evolutional and Institutional Approach, and the Methodology for Realization of Anticrisis Measures in Transitional Economics

K. Kh. Zoidov

Application of the evolutional approach to the analysis of the transformation crisis of the Russian economy is considered. Overcoming the crisis is considered on the base of business-oriented government regulation model. Evolutional outcome of the Russian economy from present transitional crisis is realized in connection with the economic policy combining controled evolution of the present economic systems and creating the conditions for their independent auto-evolution.